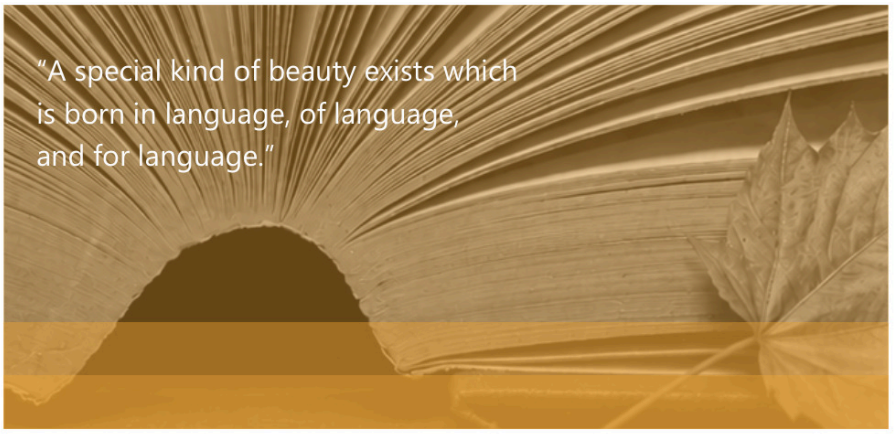
VOLUME 10, OCTOBER 2026
ISSN: 3060-4958

The Lingua Spectrum

UZBEKISTAN STATE WORLD
LANGUAGES UNIVERSITY

MORE INFO:

www.lingvospektr.uz

t.me/thelinguaspectrum

Jalolova G.M.	Structural-semantic classification and etymological layers of astrological vocabulary in English and Uzbek	146
Abduxakimova G.	A Lexico-Semantic Comparative Analysis of Euphemisms Related to the Body, Health and Private Life in Contemporary English and Uzbek Media Discourse (Social Media, Online News and Blogs)	153
Dalieva M.Kh.	Lexical and pragmatic features of English-language media headlines: a corpus study of world health organization news releases	161
Baynazarov Z.M.	Language policy in the Timurid period and the status of the Turkic language	169
Im S.B.	Gallicisms and the Ways They Entered the Russian Language	181
Im S.B.	Karamzin as the Creator of the French Culture of Sensibility in the Russian Language	189
Siddikova F.O.	The representation of hospitality in English and Uzbek: A Comparative Linguocultural Analysis	195
Sadinova M.A.	Binary conceptual oppositions in the linguistic worldview: The life – death model	204
Umarova J.Zh.	Evaluative Language and Metaphor in Museum Discourse: Assessing AI-Based Analysis of the Savitsky Museum Catalogue	228
Xojanov Sh.B.	The study of phraseological units based on modern linguistic theories in K. Karimov's novel "Agabiy"	239
Azimova D.A.	The System of Non-Canonical Antonym Pairs in English Presidential Speeches and Proverbs (Non-Canonical Antonyms as Powerful Rhetorical Instruments)	246
Nasirova R.A.	Phraseological and Paremiological Conceptualization of Moral Values in English and Uzbek	254
Kambarova M.A.	Universal and National-Specific Features in English and Russian Proverbs (based on Proverbs about Homeland)	260
Djalilov M.M.	Neologisms and abbreviations: the interaction of word-formation processes in modern linguistics	267
Sabirova B.U.	The lexical-semantic analysis of Uzbek pragmalinguistic terms "lingvistik kontekst, vaziyat konteksti, ijtimoiy konteks va kognitiv kontekst"	273
Karimova Z.G'.	Illocutionary features of modal and interjection word-sentences in typologically different languages	282
Borisova Ye.V.	Linguistic representation of blame and responsibility in public corporate apologies	289
Yahyaeva E.V.	Vocative words and vocative sentences in Azerbaijani	301
Musayeva S.	Structural and semantic features of phraseological units in the form of word combinations and sentences in Azerbaijani	310

Karamzin as the Creator of the French Culture of Sensibility in the Russian Language

Im Svetlana Borisovna
imsb1985@mail.ru
Professor,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *The article examines the language of intimate feeling in Russian, which endowed the language with expressiveness and psychological depth. Classicism and sentimentalism represent stages in the assimilation of the French literary tradition. While the classicist tradition shaped the language of "high" art and state rhetoric, sentimentalism developed a vocabulary associated with the intimate and personal spheres. These two stages of French influence did not exclude one another but complemented each other: the former ensured terminological precision and structural coherence, whereas the latter enhanced expressiveness and psychological depth. Whereas classicism borrowed primarily a system of concepts associated with art and state ideology, late eighteenth-century sentimentalism introduced an entirely different lexical layer – the vocabulary of feelings and emotions. The vocabulary of the intimate and personal spheres is associated with N.M. Karamzin, the founder of Russian sentimentalism. The work of N.M. Karamzin and his followers contributed to a substantial renewal of the literary language, the expansion of its expressive potential, and the development of new principles governing the linguistic organization of literary texts. N.M. Karamzin systematically introduced French vocabulary denoting emotions and psychological states into Russian literary usage, creating a language of intimate feeling that had not previously existed in Russian prose and creatively adapting it to the Russian linguistic context.*

Keywords *Classicism, sentimentalism, Gallicisms, Gallomania, language of intimate feeling*

Karamzin – rus tilida fransuzcha hissiy sezgirlik madaniyatining yaratuvchisi

Im Svetlana Borisovna
imsb1985@mail.ru
Professor,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Maqolada rus tilida unga ifodaviylik va psixologik teranlik baxsh etgan intim tuyg'ular tili masalasi ko'rib chiqiladi. Klassitsizm va sentimentalizm adabiyotda fransuz an'anasining o'zlashtirilish bosqichlarini ifodalaydi. Klassitsistik an'ana "yuksak" san'at va davlat ritorikasi tilini shakllantirgan bo'lsa, sentimentalizm intim va shaxsiy kechinmalar bilan bog'liq leksik qatlamni rivojlantirdi. Fransuz ta'sirining ushbu ikki bosqichi bir-birini inkor etmagan, balki o'zaro to'ldirgan: birinchi bosqich terminologik aniqlik va strukturaviy izchillikni ta'minlagan bo'lsa, ikkinchisi tilning ifodaviy imkoniyatlari va psixologik teranligini kuchaytirdi. Klassitsizm, avvalo, san'at va davlat mafkurasi bilan bog'liq tushunchalar tizimini o'zlashtirgan bo'lsa, XVIII asr oxiridagi sentimentalizm tilga mutlaqo boshqa leksik qatlam – his-tuyg'ular va emotsiyalar lug'atini olib kirdi. Intim va shaxsiy kechinmalar bilan bog'liq leksik qatlam rus sentimentalizmining asoschisi N.M. Karamzin nomi bilan chambarchas bog'liq. N.M. Karamzin va uning izdoshlari faoliyati adabiy tilning sezilarli darajada yangilanishiga, uning ifodaviy imkoniyatlarining kengayishiga hamda badiiy*

matnni lingvistik tashkil etishning yangi tamoyillari shakllanishiga xizmat qildi. N.M. Karamzin emotsiyalar va psixologik holatlarni ifodalovchi fransuzcha leksikani rus adabiy tilining qo'llanish doirasiga izchil ravishda olib kirdi. Shu tariqa u ilgari rus nasrida mavjud bo'lmagan intim tuyg'ular tilini yaratdi va uni rus tilining xususiyatlariga ijodiy moslashtirdi.

Kalit so'zlar *Klassitsizm, sentimentalizm, gallitsizmlar, gallomaniya, intim tuyg'ular tili*

Карамзин – создатель французской культуры чувствительности в русском языке

Им Светлана Борисовна
imsb1985@mail.ru
Профессор,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *В статье рассматривается вопрос о языке интимного чувства в русском языке, который дал ему выразительность и психологическую глубину. Классицизм и сентиментализм являются показателями освоения французской традиции в литературе. Если классицистическая традиция формировала язык «высокого» искусства и государственной риторики, то сентиментализм создал словарь интимного и личностного. Эти два этапа французского влияния не исключали, а дополняли друг друга: первый обеспечивал терминологическую точность и стройность, второй – выразительность и психологическую глубину. Если классицизм заимствовал прежде всего систему понятий искусства и государственной идеологии, то сентиментализм конца XVIII века принёс совершенно иной пласт – лексику чувств и эмоций. Словарь интимного и личностного связан с именем Н.М. Карамзина – основателя русского сентиментализма. Деятельность Н.М. Карамзина и его последователей способствовала существенному обновлению литературного языка, расширению его выразительных возможностей и формированию новых принципов языковой организации художественного текста. Н.М. Карамзин систематически вводил в русский литературный обиход французскую лексику эмоций и психологических состояний, создавая язык интимного чувства, ранее не существовавший в русской прозе, творчески адаптируя к русской речи.*

Ключевые слова *Классицизм, сентиментализм, галлицизмы, галломания, язык интимного чувства*

Классицизм и сентиментализм являются показателями освоения французской традиции в литературе. Если классицизм заимствовал прежде всего систему понятий искусства и государственной идеологии, то сентиментализм конца XVIII века принёс совершенно иной пласт – лексику чувств и эмоций. Он формировался под воздействием идей Ж.-Ж. Руссо, изложенных в «Новой Элоизе» и «Эмиле», где на первый план выходила ценность

индивидуальности и внутреннего мира человека (Руссо, 1969).

Таким образом, если классицистическая традиция формировала язык «высокого» искусства и государственной риторики, то сентиментализм создал словарь интимного и личностного. Эти два этапа французского влияния не исключали, а дополняли друг друга: первый обеспечивал терминологическую точность и стройность, второй – выразительность и психологическую глубину. В совокупности они подготовили почву для пушкинской синтетической модели, где строгая ясность соединялась с эмоциональной насыщенностью.

Русский классицизм XVIII века стал первым направлением, систематически усвоившим французскую терминологию. Теоретические основы Н. Буало в «Поэтическом искусстве» требовали точного понятийного аппарата, что вызвало активное заимствование французской лексики. Уже у М.В. Ломоносова в «Риторике» (1748) и других трудах встречаются *«элегия»* (élégie), *«идиллия»* (idylle), *«эклога»* (églogue), «*эпиграмма»* (épigramme) (Ломоносов, 1748). При этом он стремился придать им «высокость» стиля, сохраняя латинизированную форму (трагедия, комедия, сатира), что соответствовало духу классицистической эстетики.

Н.М. Карамзин явился не просто продолжателем галломанских тенденций екатерининского времени, но подлинным создателем нового литературного направления — русского сентиментализма, в основе которого лежали французские эстетические принципы и языковые модели. Если классицизм Сумарокова и М.В. Ломоносова заимствовал из французского преимущественно высокую риторическую и философско-политическую лексику, то Н.М. Карамзин перенёс на русскую почву язык интимных чувств, психологических переживаний, тонких эмоциональных нюансов.

Новаторство Н.М. Карамзина проявилось прежде всего в создании нового типа прозы – лёгкой, изящной, эмоционально насыщенной. Его повесть «Бедная Лиза» (1792) стала манифестом русского сентиментализма и образцом нового литературного слога. Уже в самом начале повести чувствуется характерный карамзинский стиль, насыщенный галлицизмами и новой эмоциональной лексикой:

Цель работы состоит в том, чтобы показать роль Карамзина – как создателя в русском языка интимного чувства, психологических переживаний, тонких эмоциональных нюансов.

Объектом исследования является русский литературный язык XVIII в. – период интенсивного проникновения европейских заимствований и формирования новой языковой нормы.

Предметом исследования выступают галлицизмы в русском языке XVIII века, передающие язык интимных чувств, психологических переживаний, тонких эмоциональных нюансов Методы исследования.

В ходе исследования использовались следующие методы: описательный метод – для систематизации и классификации языкового материала; метод контекстуального анализа – для изучения функционирования галлицизмов в художественных текстах Н.М. Карамзина; стилистический анализ – для оценки роли французских заимствований в формировании нового литературного стиля карамзинской прозы.

Профессор Московского университета С.П. Обнорский в работе «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» пишет: «Карамзин осуществил синтез русской эмоциональности и французской рафинированности. Его язык – это попытка

выразить русскую душу французскими средствами, не утратив при этом национальной специфики» (Обнорский, 1846).

Эту традицию в России утвердил Н.М. Карамзин. В повести «Бедная Лиза» (1792) он использовал слова «*сентимент*» (sentiment), «меланхолия» (mélancolie), «*натура*» (nature), а в переписке вводил устойчивые французские выражения, такие как «*âme sensible*» (чувствительная душа), «*cœur tendre*» (нежное сердце) (Карамзин, 1984). Лексика Н.М. Карамзина не просто фиксировала эмоции, а переносила в русский язык французскую культуру чувствительности.

Таким образом, если классицистическая традиция формировала язык «высокого» искусства и государственной риторики, то сентиментализм создал словарь интимного и личностного. Эти два этапа французского влияния не исключали, а дополняли друг друга: первый обеспечивал терминологическую точность и стройность, второй – выразительность и психологическую глубину. В совокупности они подготовили почву для пушкинской синтетической модели, где строгая ясность соединялась с эмоциональной насыщенностью.

Н.М. Карамзин систематически вводил в русский язык французскую лексику чувств и эмоций. По мнению Ю.М. Лотмана, Карамзин создал русский язык интимного чувства. До него русская литература не знала слов для выражения тонких душевных движений. Н.М. Карамзин заимствовал этот словарь из французского языка, но не механически, а творчески адаптируя к русской речи.

В «Бедной Лизе» мы встречаем целый пласт новой эмоциональной лексики: *«чувствительность»* (фр. sensibilité), *«нежность»* (фр. tendresse), *«меланхолия»* (фр. mélancolie), *«томление», «восхищение»* (фр. ravissement), *«восторг»* (фр. extase). Эти слова не были просто заимствованиями: они формировали новый тип эмоциональности, новую культуру чувства. Н.М. Карамзин не изобретал галлицизмы, он лишь вводил их в литературную норму, придал им статус легитимности, например: *«Очарование»* (фр. charme, enchantement). В русском языке *«очарование»* сохраняло связь с магическим значением: *очаровать* – навести чары, заколдовать. Н.М. Карамзин производит семантический сдвиг: магическое значение переосмысляется метафорически, и *«очарование»* становится обозначением эстетического и эмоционального воздействия красоты. Слово переходит из сферы народных верований в сферу эстетики. Это пример семантической метафоризации: магическое воздействие становится метафорой эстетического воздействия. Синтаксически это открывает новые сочетания: *«очарование природы», «очарование музыки», «очарование взгляда»*. *«Нежность»* (фр. tendresse). Французское tendresse означало мягкость, теплоту в отношениях, прежде всего любовных. В русском языке слово *«нежность»* существовало, но употреблялось прежде всего в значении физической мягкости: *нежность кожи, нежность плода, нежность ткани*. Н.М. Карамзин производит семантическое переосмысление: *«нежность»* становится обозначением особого типа любви – не страстной, не плотской, не греховной (как в церковнославянской традиции), а одухотворённой, деликатной, полной сострадания. Это принципиально важный семантический сдвиг: слово перемещается из области тактильных ощущений в область психологических отношений. Более того, в сочетании *«нежная скорбь»* из «Бедной Лизы» возникает семантический оксюморон: *скорбь* – это боль, страдание; *нежная* – это мягкое, приятное. Семантический сдвиг носит характер расширения и эстетизации: от физического к психологическому, от нейтрального к

эстетически ценному. Синтаксически это выражается в том, что «*нежность*» у Н.М. Карамзина сочетается с широким кругом существительных, ранее невозможных: *«нежность чувства», «нежность воспоминания», «нежность привязанности»*.

«Томление». Это слово не является прямым заимствованием, однако семантически калькирует французское langueur – *сладостная тоска* по недостижимому, истома, лирическая печаль без определённой причины. В русском языке *«томление»* прежде означало преимущественно физическое изнурение: *томление от жары, от жажды, от долгого ожидания*. Н.М. Карамзин производит семантический сдвиг: *«томление»* становится обозначением особого душевного состояния – неопределённого желания, тоски по идеалу, сладостной печали. Это сдвиг от конкретного физического значения к абстрактному психологическому, от однозначно отрицательной коннотации (*томление* – это страдание от недостатка чего-то) к амбивалентной (*томление* – это и страдание, и наслаждение одновременно). Синтаксически это выражается в появлении новых сочетаний: *«томный взгляд», «томное ожидание»*. Прилагательное *«томный»* приобретает у Н.М. Карамзина значение эстетически привлекательного, поэтического.

«Восторг» (фр. extase, ravissement). В церковнославянской традиции *«восторг»* (от «восторгать» – вырывать, похищать) имел значение духовного экстаза, состояния мистического единения с Богом, выхода за пределы обычного сознания. У Н.М. Карамзина слово *«восторг»* теряет религиозную коннотацию и становится обозначением сильного эстетического и эмоционального подъёма, вызванного красотой природы, искусства или человека.

Таким образом, целый ряд слов, принадлежавших сакральной, религиозной семантике, переходит в светскую, утрачивая религиозные коннотации и приобретая эстетические.

Н.М. Карамзин активно создавал семантические кальки – слова, которые по форме русские, но по смысловой структуре воспроизводят французские модели. Эти кальки не просто вводили новые слова: они вводили новые смысловые модели, новые способы концептуализации действительности.

«Впечатление» – калька с фр. *impression* (от *imprimer* – печатать, вдавливать). Французское слово означало буквально *«отпечаток»* и переносно – воздействие внешнего мира на душу. Н.М. Карамзин вводит в русский язык это переносное значение, создавая слово *«впечатление»*. Семантический сдвиг носит характер метафорического переноса: внешний мир «впечатывается» в душу человека так, как печать вдавливается в воск. Эта метафора принципиально нова для русского языка: она предполагает, что душа – это воспринимающая поверхность, пассивная, но сохраняющая следы воздействия. В синтаксическом отношении слово *«впечатление»* открывает новые конструкции: «произвести впечатление», *«получить впечатление», «живое впечатление»* – конструкции, воспроизводящие французские синтаксические модели *faire impression, recevoir une impression*.

«Трогательный» – калька с фр. *touchant* (от *toucher* – трогать, касаться). Н.М Карамзин создаёт прилагательное, полностью воспроизводящее французскую семантическую модель переноса: физический контакт *(трогать)* → эмоциональное воздействие *(вызывать умиление)*. Это пример семантического переноса по смежности: от тактильного ощущения к психологическому воздействию. В результате в русском языке появляется слово с двойной семантикой: физической (касаться) и психологической

(умилять). Со временем физическое значение ослабевает, и *«трогательный»* полностью переходит в психологическую сферу – это процесс семантической специализации.

«Развитие» – калька с фр. *développement* (от *développer* – разворачивать). В русском языке до Н.М. Карамзина существовало лишь физическое значение: *развить нитку, развить клубок, развить парус*. Карамзин наполняет слово абстрактным значением – постепенное раскрытие, усложнение, движение от простого к сложному. Семантика расширяется от конкретного к абстрактному через метафору разворачивания: характер *«разворачивается»*, чувство *«разворачивается»*, сюжет *«разворачивается»*. В синтаксическом отношении это слово открывает новые конструкции: *«развитие характера», «развитие чувства», «развитие сюжета»* – конструкции, немыслимые в предкарамзинской прозе.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Классицизм и сентиментализм выступили посредниками культурного взаимодействия: первый внёс в русский язык эстетическую и риторическую терминологию, второй – лексику чувств и эмоциональных состояний.

Французское влияние XVIII века подготовило почву для языковых реформ и формирования нового типа национальной словесности. Многие галлицизмы прочно вошли в язык, а усвоенные культурные формы определили специфику русской литературы XIX века.

Н.М. Карамзин систематически вводил в русский литературный обиход французскую лексику эмоций и психологических состояний, создавая язык интимного чувства, ранее не существовавший в русской прозе. Заимствованные слова творчески адаптировались, получая русские грамматические формы и органично соединяясь с исконно русской лексикой.

References:

1. Карамзин, Н. М. (1984). *Бедная Лиза*. Художественная литература.
2. Ломоносов, М. В. (1748). *Риторика*. Императорская Академия наук.
3. Обнорский, С. П. (1946). *Очерки по истории русского литературного языка старшего периода*. Издательство АН СССР.
4. Руссо, Ж.-Ж. (1969). *Юлия, или Новая Элоиза*. Наука.